

- Мне как обычно, все берем, а этих шэнцзянь с начинкой из свинины и лука — на две порции больше. А-Жао, Юань-Юань, вы посмотрите, какие вкусы у этих пирогов Пять стихий - хотите попробовать?

Вот так доверяли постоянные клиенты Цинь Ся — даже не спрашивали, что в наличии. Просто считай, а я сразу плачу.

С другой стороны, Цуй Жао взяла за руку Син Юань, а Юй Цзюцюэ проводил их к пароварке, показывая на большую корзину. Когда крышку подняли, там оказались разложенные в аккуратном порядке разноцветные пироги «Пяти стихий».

- Эти пироги получили название благодаря управляющему Сину, — с улыбкой заметил Юй Цзюцюэ. — Я для госпожи специально возьму по одному каждого вида, как знак благодарности управляющему Сину.

Цуй Жао поспешила возразить:

- Да разве это дело? Он всего лишь предложил название, пустяк какой! Это ни в какое сравнение не идет с вашим мастерством!

Сказав это, она выбрала пироги с красной фасолью, черным рисом и кукурузой, а затем отправила Син Имина расплатиться. Юй Цзюцюэ пришлось временно принять деньги, но, обернувшись, он увидел, что Цинь Ся для других блюд положил порции побольше.

У лотка стояло всего два квадратных стола, которые уже были заняты. Однако семья Син Имина не переживала из-за места — они просто взяли свои покупки и направились к чайному павильону неподалеку. Поднявшись на второй этаж, они заняли небольшой кабинет.

Управляющий чайной знал, что Син Имин — старый друг владельца заведения, который иногда заглядывает сюда. Он тут же распорядился, чтобы слуги подали чай и закуски.

- Босс, позвольте воспользоваться вашим местом, чтобы перекусить. На улице холодно, — сказал Син Имин, доставая деньги за чай и добавляя щедрые чаевые. Ведь без этой «заслуги» в чайной с чужой едой никого не пустили бы, особенно с такой ароматной.

Кабинет на втором этаже был куда уютнее, чем зал на первом. После еды можно будет открыть окно, чтобы проветрить помещение.

Управляющий чайной взял мелкие серебряные монеты и с улыбкой сказал:

- Управляющий Син, ваше присутствие только украшает мое заведение! Пожалуйста, устраивайтесь. Кстати, какой чай вам заварить?

Цуй Жао мягко ответила:

- Поздно уже, боюсь, после чего-нибудь крепкого не уснешь. Заварите что-нибудь, что и дети могут пить.

Управляющий чайной все понял, коротко кивнул и быстро удалился. Вскоре принесли посуду и приборы, а чуть позже молодой официант принес чай с лонганом и лилиями, налил его в чашки для всех троих и ушел.

После того как официант удалился, Цуй Жао достала платок, чтобы вытереть руки дочке Син Юань, поправила полы своей одежды и сказала:

— Сегодня я посмотрю, что это за новые блюда, которые ты уже несколько дней хвалишь. Интересно, что же это за диковинка такая?

Син Имин широко улыбнулся и заверил:

— Гарантирую, госпожа не разочаруется!

Пока он говорил, успел развернуть несколько коробок с блюдами, аккуратно раскладывая их по столу.

— Мам, я хочу вот это! — воскликнула Син Юань, указав на разноцветные пироги «Пять Элементов».

Но Цуй Жао боялась, что после сладкого дочка ничего другого есть не станет, поэтому мягко уговорила:

— А давай сначала попробуем вот эту маленькую жареную булочку? Посмотри, какая она красивая.

Она взяла палочками булочку размером с большой палец и заметила, что на свету ее тесто выглядело почти прозрачным, словно влажная бумага, сквозь которую видно содержимое.

— Будь осторожна, когда будешь есть: внутри есть бульон, — предостерег Син Имин, сразу угадав ключевую особенность блюда.

Цуй Жао, опасаясь, что Син Юань обожжется, осторожно положила булочку на ложку и палочками проколола тонкую кожу. Бульон мгновенно вылился наружу, наполнив воздух аппетитным ароматом, отчего Син Юань тут же начала облизывать губы и в нетерпении воскликнула:

— Мам! Дай мне! Я сама съем!

— Хорошо-хорошо, сама ешь, только не обожгись, кушай маленькими кусочками! — с улыбкой ответила Цуй Жао.

Она давно заметила, что ее дочь пошла в отца: в других делах невнимательная, но за еду всегда берется с энтузиазмом.

Но, говоря это, она не удержалась, сама взяла одну булочку и осторожно прокусила тонкое тесто, чтобы выпить бульон. Вкус был мягким, слегка соленым и немного пряным.

— Похоже, это куриный бульон? — предположила она.

Она пробормотала что-то себе под нос и отправила оставшуюся часть в рот. Маленькая жареная булочка помимо идеального сочетания тонкого теста и начинки, поражала еще и своей золотистой хрустящей корочкой на дне, которая поднимала вкус на совершенно новый уровень.

Син Имин, внимательно наблюдая за выражением лица своей жены, тут же попытался заслужить похвалу:

— Ну как, вкусно, правда?

Цуй Жао уголком платка аккуратно вытерла губы, подняла чашку чая, сделала небольшой глоток и ответила легким тоном:

— На вкус сойдет.

Хотя она ела блюда с ларька семьи Цинь не впервые, каждый раз они удивляли ее чем-то уникальным, чего нельзя было найти нигде больше. Ингредиенты использовались щедро и с умом. Например, в прошлый раз для жареных куриных полосок использовалась исключительно куриная грудка. А в этот раз в начинку маленьких жареных булочек даже добавили куриный бульон.

Син Имин, как никто другой, знал свою жену. Если она говорила «сойдет», «неплохо» или «ничего», это означало, что блюдо ей очень понравилось. Наблюдая, как Цуй Жао снова потянулась за булочкой своими палочками, он мысленно поздравил себя с тем, что предвидел ее реакцию. Он давно догадался, что и жена, и дочь будут в восторге от этого блюда, поэтому предусмотрительно заказал сразу две порции. Ведь иначе...

Хм, иначе ему самому не досталось бы ничего, кроме первого пробного кусочка!

В итоге вся семья из трех человек собралась вокруг чайного столика, соревнуясь палочками, кто сможет урвать еще одну булочку.

А в это время на ночном рынке у ларька семьи Цинь разгоралась другая «битва».

— Я уже сказал, я заберу все оставшиеся жареные куриные каркасы! За каждый добавлю тебе еще одну медную монету! — заявил мужчина в образе владельца лавки с весьма неприятным тоном.

Цинь Ся, стоя напротив него, внимательно разглядывал наглеца. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах читалась глубина. Этот человек только что подошел к ларьку, полностью игнорируя очередь, и сразу заявил, что хочет забрать оставшиеся тридцать с лишним куриных каркасов. Едва он это произнес, как окружающие начали негодовать.

— Ты что за человек такой? Не видишь, тут очередь стоит? — возмутились одни.

— Неважно, сколько ты хочешь, иди в конец очереди! Я тут уже полвечера на ветру стою, а ты думаешь, что можешь все скупить? Да кто ты вообще такой? — добавили другие.

А горячий на язык амбал, если бы не вмешательство его жены, наверняка полез бы в драку.

Цинь Ся спокойно положил очередную порцию жареных булочек в бумажную коробку, поднял взгляд и сказал:

— Уважаемый, здесь столько людей ждет, нужно соблюдать порядок — кто пришел первым, тот первым и обслуживается. К тому же на наши куриные каркасы действует ограничение: в одни руки не больше двух штук. Больше мы не продаем.

Услышав это, мужчина нахмурил брови.

— Этого правила раньше не было. Почему оно вдруг появилось?

Цинь Ся чуть улыбнулся.

— Малый бизнес — такие уж у нас капризы. А главное, что я здесь хозяин. Вы со мной согласны?

Подтекст его слов был ясен каждому, но мужчина не собирался отступать.

— Тогда я дам на два вэня больше за каждую штуку. Вы заработаете больше, все быстро продадите, да и свернете лавочку пораньше.

Цинь Ся даже не успел ответить, как за него вмешался один из гостей, сидящий за столиком и увлеченно поедающий ужин. Он громко воскликнул:

— Босс, не слушайте его чепуху! Этот парень — тот самый Цзинь Саньбао, младший управляющий ресторана «Фугуй». Они постоянно скупают еду с уличных лотков, а потом перепродают ее с наценкой!

Ну конечно.

Глаза Цинь Ся тут же сузились, и в его взгляде мелькнула острота. Теперь все стало ясно. Откуда взяться человеку, который готов переплатить, лишь бы скупить все подчистую? Если действительно хочется поесть, вставай в очередь и жди. Ведь кто в здравом уме сможет за вечер съесть тридцать с лишним куриных каркасов? Это же не собрание у Хуан Дасяня*!

(ПП: это шутивная идиома или метафора, которая связана с образом Хуан Дасяня (胡大爺), знаменитого даосского святого и божества в китайской культуре. Хуан Дасянь известен как покровитель здоровья, долголетия и защиты. В данном тексте фраза используется, чтобы подчеркнуть абсурдность ситуации: никто не может съесть за один вечер тридцать куриных каркасов, разве что это собрание призраков, возглавляемое самим Хуан Дасянем)

Оказалось, все дело в том, чтобы заработать на перепродаже.

С этой мыслью он ощутил себя еще увереннее.

— Извините, моя маленькая лавка не продает все сразу. Если хотите, попробуйте поискать в другом месте? — отрезал Цинь Ся.

Цзинь Саньбао оказался разоблачен, и от смущения ему стало неловко. Он не мог понять, почему его метод вдруг перестал работать. Раньше те же мелкие торговцы, стоило кому-то предложить скупить все разом, наперебой стремились заключить сделку. Он забирал товар в свое заведение, где продавал его состоятельным посетителям, которым не жалко было денег. За одну ночь можно было неплохо заработать, даже не разводя огонь на кухне.

Сегодня он заметил жареные куриные скелеты из ларька семьи Цинь после того, как услышал о них от одного из посетителей. Здесь их продавали по тринадцать вэнь за штуку, а он мог разобрать их на порции, выложить на тарелки и продать по тридцать вэнь за штуку — и все равно нашлись бы желающие.

Но как ни громко в голове у него трещали счеты, хозяин этого ларька оказался неприступным.

— Не продаете, так не продавайте, — буркнул Цзинь Саньбао. — Тоже мне, прямо сокровище какое.

Его униженное самолюбие требовало отмщения, и он решил взять реванш словами. Однако, отступив назад, он случайно наступил на ногу человека, стоявшего в очереди двумя местами позади. И это оказался вспыльчивый амбал.

Вот тут-то он и разбудил осиное гнездо.

— Ты что, зараза, нарочно? — раздался угрожающий рык.

Амбал выглядел так, будто одной рукой мог поднять Цзинь Саньбао. Его плечи, словно два валуна, а взгляд мог бы прожечь дыру.

Проходившие мимо люди, заметив начавшуюся ссору, тут же остановились, чтобы понаблюдать за происходящим.

Цинь Ся едва успевал уговаривать вместе с женой амбала:

— Уважаемый старший брат, не стоит применять силу, это не к чему!

И тут, когда все вокруг наперебой пытались вмешаться, внезапно раздался голос, звучавший весьма внушительно:

— Кто это там впереди устроил беспорядок?

Юй Цзюцюэ сразу узнал этот голос — он казался знакомым. Пробравшись сквозь толпу, которая мгновенно расступилась, он увидел того, кого и ожидал: не кто иной, как чиновник из местного управления улиц, Ху Лаосы, с которым он уже сталкивался раньше.

Он слегка кивнул Цинь Ся, и тот многозначительно подмигнул ему в ответ. Вот это удача — только захотелось поспать, и как раз вовремя появилась подушка*.

(ПП: идиома своевременной помощи)

— Приветствуем вас, уважаемые господа чиновники, — обратился Цинь Ся.

Вся группа почтительно поклонилась. Ху Лаосы оглядел всех присутствующих, прищурился и раздраженно спросил:

— Опять вы?

Цинь Ся состроил крайне смущенное выражение лица.

— Уважаемый чиновник, мы сами хотели бы это знать! Почему каждый раз все неприятности сваливаются на нас? Стричь овец тоже надо с умом, нельзя же заикливаться на одной и той же!

Ху Лаосы обвел взглядом окружающих и протянул:

— Думаю, это потому, что у вас дела слишком хорошо идут. Большое дерево всегда притягивает ветер. Ну, рассказывайте, что на этот раз?

И, подняв руку, он указал на огромного амбала:

— А ты? Силой вздумал все решить? Или тебе невтерпеж на праздники отправиться в тюрьму уездного управления? Если хочешь, мы тебя с радостью устроим!

Амбал, который никак не ожидал, что поднятый кулак привлечет внимание управления улиц, мгновенно отпустил руку. Кто ж не знает, что в преддверии праздников чиновники улиц беспощадны? Если говорят, что посадят — значит посадят, без всяких компромиссов.

В другое время он бы давно сбежал, но глядя на жареные куриные каркасы, которые почти уже были у него в руках, он никак не мог решиться расстаться с ними.

Вернувшись в очередь, амбал получил от своей жены ощутимый щипок, от которого вздрогнул от боли.

Тем временем действия Цзинь Саньбао уже были подробно изложены Ху Лаосы благодаря рассказу Цинь Ся, вовлеченного в происшествие, и добавлениям со стороны «заботливых» зевак.

Ху Лаосы метнул на Цзинь Саньбао резкий взгляд, словно нож. Снаружи тот выглядел спокойным, но внутри его колени уже тряслись.

— Господин чиновник, но я ведь ничего не нарушил, законы Даюна на моей стороне! — попытался оправдаться Цзинь Саньбао.

Ху Лаосы усмехнулся, и в его смехе было больше холода, чем доброжелательности.

— Ого, ты, оказывается, законы знаешь? Законы пишутся не для того, чтобы ты их обходил! Скупать еду с улиц, а затем продавать ее в своем ресторане с накруткой — те, кто знает, сколько это стоит на улице, может и не попадутся на твои уловки. Но есть те, кто не в курсе, и именно их ты вводишь в заблуждение. Это уже нарушение ценового порядка. Ты ведь управляешь рестораном, знаешь ли, какое наказание положено за это?

К тому же нашлись и такие, кто заявил, что в ресторане «Фугуй» им подавали пережаренный арахис или бобы, горькие, как полынь. Когда они требовали вернуть деньги, ресторан упорно отказывался. Да, многие не хотят связываться из-за каких-то трех или пяти вэнь, но теперь, когда сюда пришло управление улиц, все начали выкладывать все, что накопилось.

Цзинь Саньбао сглотнул, осознавая, что для него и его ресторана эта ночь закончится плохо. И действительно, Ху Лаосы, как и ожидал Цзинь Саньбао, тут же забрал его, чтобы сопроводить в ресторан, где намеревался не только проверить книги учета, но и устроить инспекцию на кухне.

Когда нарушитель ушел, а после небольшой волны насмешек все снова затихло, у ларька воцарилось спокойствие. Однако, благодаря «подсказке» Цзинь Саньбао, Цинь Ся решил ввести правило ограничения покупки до двух куриных каркасов на человека. Так большее количество людей смогли бы попробовать. Большинство клиентов отнеслись к этому с пониманием — два куриных каркаса все же немало. Они разбились на небольшие группы, забрали свои заказы и ушли с довольными улыбками.

После того как волна покупателей схлынула, Цинь Ся и Лю Доуцзы размяли затекшие плечи. Они собрались вместе с Юй Цзюцюэ, чтобы перекусить жареными булочками и острой кислой лапшой. Хотя они заранее поужинали дома, чтобы подкрепиться, стоять все это время на ногах оказалось изнурительно, и сейчас они снова почувствовали голод.

Когда стемнело, Цинь Ся обратился к Юй Цзюцюэ:

— Может, ты вернешься домой пораньше?

Так они договорились заранее, но сейчас Юй Цзюцюэ замялся и выглядел растерянным.

— Дорога назад такая темная... Может, я все-таки подожду вас, и мы пойдем вместе?

В его глазах плескалась чистейшая невинность, и в тот момент, когда их взгляды встретились, Цинь Ся вдруг осознал:

Кажется, этот гер только что его перехитрил!

Неудивительно, что он раньше придумал этот предлог, чтобы «отмахнуться» от него. Вероятно, уже тогда у него был наготове план. В хитроумных уловках с Юй Цзюцюэ ему точно не тягаться.

— Сегодня товаров было мало, распродались быстро, поэтому можем свернуться пораньше. Завтра тебе не нужно приходить, — сказал Цинь Ся, бросив на него многозначительный взгляд.

Услышав это, Юй Цзюцюэ тут же заметно заволновался.

Лю Доуцзы, не поняв скрытого смысла, подскочил от удивления.

— Брат Ся, почему ты не хочешь, чтобы твой супруг завтра пришел?

Неужели они поссорились?

Цинь Ся покосился на него.

— Взрослые говорят, детям не мешать.

Лю Доуцзы возмутился:

— Ты ведь всего на четыре года меня старше!

— Четыре года — тоже возраст, — спокойно ответил Цинь Ся. — Вот у меня уже есть супруг, а ты все еще зеленый юнец. Это ли не доказательство, что я взрослый, а ты еще ребенок?

Оскорбленный Лю Доуцзы стиснул зубы и с удвоенной силой надавил железной лопаткой на куриные скелеты на горячей плите, от чего они заскрипели под давлением.

Цинь Ся с улыбкой перевел взгляд на Юй Цзюцюэ, который стоял рядом с опущенной головой. Даже его макушка излучала тоску.

— Недоволен?

Юй Цзюцюэ пересчитал несколько медных монет в руках и снова убрал их в кошель.

— Нет.

Хотя он и сказал «нет», его макушка явно демонстрировала обиду.

Глядя на его печальный вид, у Цинь Ся защемило сердце. Но с приближением холодов он знал, что должен проявить твердость.

— Вот что: у тебя осталось пять дней, чтобы закончить пить лекарство, которое прописал старый доктор Сюй. После этого мы пойдем на повторный осмотр. Если доктор Сюй скажет, что тебе стало лучше, тогда ты сможешь по вечерам помогать мне в ларьке. Как тебе такое предложение?

Лицо Юй Цзюцюэ немного смягчилось. Как ни крути, его упрямство все же сработало.

На самом деле он действительно не хотел оставаться дома один, особенно по ночам. Ему казалось, что, оставаясь в одиночестве, он снова увидит кошмары.

В этот вечер первыми распродались жареные булочки, затем — кисло-острая лапша и жареные куриные скелеты. Пятицветный пирог шел медленнее, но к двум четвертям часа Свиньи (примерно 21:30) его все же раскупили. Так как это были последние штуки, Цинь Ся чуть снизил цену, уступив по одной вэнь.

— Не думал, что все так рано распродается! — восхищенно протянул Лю Доуцзы, потягиваясь.

Он рискнул взять с собой на продажу две доски с тофу, и они тоже полностью разошлись. Выручка оказалась больше, чем за дневную торговлю!

Остальные ларьки на ночном рынке все еще работали — многие торговцы уходили только ближе к полуночи. На улице Баньцяо, самой оживленной улице уезда Цинань, жизнь кипела даже в предрассветные часы.

— Рано распродать все даже лучше. Вернемся, подсчитаем деньги, помоемся и спать, — сказал Цинь Ся, зевая.

Усталость взяла свое, и он, как и все, почувствовал себя измотанным. За вечер запах масла и дыма пропитал его одежду даже больше, чем днем на улице Любао. Ему не терпелось переодеться.

На перекрестке они попрощались с Лю Доуцзы, и Цинь Ся с Юй Цзюцюэ под звездным небом отправились домой.

Стоило им переступить порог, как Цинь Ся сдался.

— Замочим все это в золе, а завтра почистим, — сказал он, указывая на посуду.

Юй Цзюцюэ, собравшийся было показать свое усердие, тоже вынужден был согласиться.

— Вместе мы управимся за полчаса. Не обязательно делать это сегодня ночью.

Гер вздохнул, признавая поражение.

Они вдвоем нагрели воду, сменили одежду, насквозь пропитанную запахом масла, и, сидя рядом на краю кровати, стали парить ноги и считать выручку. Для Юй Цзюцюэ этот момент был бы идеальным, если бы не стоящая перед ним чашка горького лекарства, которое он должен был выпить перед сном.

— Выпьешь лекарство, потом съешь персиковые цукаты, а после — конфету и почистишь зубы,
— напомнил Цинь Ся, положив две полоски сладости в маленькую чашку.

Юй Цзюцюэ одной рукой держал чашку, другой — персиковую полоску, и, залпом выпив лекарство, тут же жадно откусил кусочек сладости. Полоски, пропитанные сиропом, были обсыпаны сахарной пудрой, которая покрывала их легкой хрустящей коркой.

Горечь постепенно сменилась сладостью, и Юй Цзюцюэ, наконец, с облегчением выдохнул.

Справившись с лекарством, Юй Цзюцюэ наконец смог отодвинуть чашку в сторону и сосредоточиться на подсчете выручки. Пятьдесят куриных скелетов с горячей плиты, проданных по разным ценам в зависимости от количества, принесли больше шестисот вэнь. Целая паровая корзина пятицветных пирогов и примерно тридцать порций кисло-острой лапши дали около пятисот вэнь. Жареные булочки, хотя и продавались в небольших количествах, стоили дорого — выручка составила четыреста пятьдесят вэнь.

Еще продали десяток жареных яиц, по пять вэнь за каждое.

Когда все сложили вместе...

— Ого, больше двух лян серебра? — Юй Цзюцюэ не мог поверить своим глазам.

Цинь Ся, опасаясь, что ошибся в подсчетах, несколько раз перепроверил цифры, снова и снова складывая их на кусочке бумаги. У них дома не было счетов, а даже если бы и были, он не умел ими пользоваться. Вместо этого он применял простой метод, который знают все школьники: вертикальное сложение.

Юй Цзюцюэ никогда раньше не видел такой системы подсчетов. Когда он приблизился, чтобы рассмотреть, Цинь Ся, пересчитывая, решил заодно научить его:

— Смотри, сначала пишешь числа вот так. А это — арабские цифры, их используют заморские люди. Видишь, они проще наших, меньше черт.

— Потом запоминаешь главное правило: каждые десять — переносишь одну единицу. А итоговое число записываешь снизу, соединяя все в строку.

Цинь Ся размашисто написал на бумаге результат: 2080.

— Две тысячи восемьдесят вэнь, это ведь больше двух лян серебра! Все правильно!

Юй Цзюцюэ еще не успел привыкнуть к странным формам арабских цифр, но, услышав эту фразу, расплылся в широкой улыбке.

— Если считать чистую прибыль, это равно двум утренним торговым дням. Неудивительно, что место на ночном рынке Баньцяо такое востребованное.

Цинь Ся удовлетворенно бросил все медные монеты в копилку.

— Еще месяц такой работы — и за аренду помещения с ремонтом можно будет не волноваться.

А может, и останутся лишние средства, чтобы обустроить лавку именно так, как он мечтал.

— Га-га! Га-га!

Дафу, очевидно, привлеченный звоном монет, заковылял из соседней комнаты, явно намереваясь взобраться на кан.

— Ну уж нет, сюда тебе нельзя, — сказал Цинь Ся, прогоняя гуся обратно.

Обиженный Дафу, громко протестуя, тут же направился к Юй Цзюцюэ, начав жалобно «хныкать».

— Неблагодарный, прямо видит, к кому на поклон идти, — проворчал Цинь Ся, прислонившись к столу на кане.

Глядя, как Юй Цзюцюэ ласково гладит шею Дафу, Цинь Ся вдруг задумался.

Если бы ему кто-то сказал раньше, что он окажется в книге, да еще станет мужем местного злодея и заведет озорного гуся в качестве питомца, он бы ни за что в это не поверил.

Глядя на эту сцену, его взгляд стал удивительно мягким, даже он сам этого не заметил.

Юй Цзюцюэ протянул руку и начал играть с Дафу. Гусь, как и говорил Цинь Ся, оказался большим мастером притворяться милашкой.

С возрастом Дафу стал умнее: теперь он узнавал свой «дом» в самом широком смысле. Он почти перестал гадить в гостиной или спальне, предпочитая выходить во двор. Редкие случаи случались на ступеньках перед порогом, но это было легко убрать.

Говорят, гуси умны. Когда привыкаешь к ним, понимаешь: эти создания во многом похожи на людей, в их маленьких головах скрыто куда больше, чем кажется. Однако пока Юй Цзюцюэ гладил Дафу по голове, за спиной внезапно стало тихо.

Обернувшись, он заметил, что Цинь Ся незаметно уснул, положив голову на стол.

Сердце Юй Цзюцюэ дрогнуло. Он быстро приложил палец к губам, делая Дафу жест «тихо», и, не важно, понял ли его гусь, поспешил вытереть ноги, надел обувь и наклонился, чтобы убрать деревянный таз с водой, в котором Цинь Ся парил ноги.

Но стоило ему шевельнуться, как Цинь Ся резко проснулся.

— Я заснул? — пробормотал он, потирая глаза, все еще сонный.

На лице Юй Цзюцюэ отразилась тревога.

— Ты слишком устаешь в течение дня.

Цинь Ся размял шею и улыбнулся:

— Просто не привык. Всего-то первый день. Раньше я мог и ночи напролет не спать.

Он был прав. Каким бы занятым и уставшим он ни был сейчас, его состояние все равно было гораздо лучше, чем у предыдущего хозяина этого тела.

Юй Цзюцюэ хотел вытереть ноги Цинь Ся сам, но тот не позволил. Забрав у него полотенце, он быстро вытер ноги, вышел наружу и вылил воду. Когда они добрались до постели, было уже поздно. Юй Цзюцюэ, закутавшись в одеяло, лежал, прижимая к себе медную грелку. Потом он начал подбираться ближе к Цинь Ся, потихоньку преодолевая преграду из двух одеял.

Цинь Ся не стал уклоняться, позволяя Юй Цзюцюэ придвинуться все ближе и ближе.

...

На пятый день их торговли на ночном рынке куриные скелеты с горячей плиты стали самым популярным блюдом. Каждый день Цинь Ся покупал у лавки семьи Сун от пятидесяти до восьмидесяти скелетов, и все распродавалось за два часа.

На фоне популярности куриных скелетов кисло-острая лапша, которая не каждому была по вкусу, и булочки мучжи-шэньцзянь, которые слабо насыщали, отошли на второй план.

Цинь Ся решил готовить их всего по тридцать-сорок порций в день. Когда они заканчивались, он просто закрывал продажу, не затрачивая на это лишних сил.

Такое решение обрадовало Вэй Чао, который больше не беспокоился, что скелеты из лавки Сун останутся невостребованными. Цинь Ся покупал много и платил без промедления. Его блюда были настолько вкусными, что управляющий лавки регулярно забирал несколько порций,

чтобы угостить кого-то из руководства в доме Сун.

Иногда Вэй Чао покупал несколько жареных каркасов у Цинь Ся и передавал их дальше, что избавляло лавку Сун от лишних хлопот и приносило похвалу от вышестоящих.

Поэтому, когда Цинь Ся попросил узнать, можно ли через связи семьи Сун достать утиную продукцию — шеи, крылья, сердца или внутренности, — Вэй Чао без колебаний согласился.

*Еще раз куриные каркасы 鸡架 鸡架

<http://bllate.org/book/13601/1206032>